

УДК 821.161.1 – 1 “19”

Т. В. Горячева

РАССКАЗ «ПРОКЛЯТИЕ» КАК ОБРАЗЕЦ НОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ Л. СЕМЕНОВА

Т. В. ГОРЯЧЕВА. ОПОВІДАННЯ «ПРОКЛЯТТЯ» ЯК ЗРАЗОК НОВОЇ ХУДОЖНОСТІ Л. СЕМЕНОВА

Стаття присвячена аналізу одного з небагатьох прозаїчних творів Л. Семенова «Прокляття». Особлива увага в статті приділяється новим рисам в стилі письменника, які з'явилися в результаті зміни пріоритетів у творчості. Л. Семенов звертається до тем, які вимагають від нього «соціальності» і поступово віддаляється від естетичних ідеалів, пов'язаних із символізмом. Письменник віддається «діловій» літературі: засуджує несправедливий суд, в'язницю, смертну кару, пише про жорстокість влади та соціальну нерівність.

Ключові слова: символізм, «ділова» література, нова художність.

Т. В. ГОРЯЧЕВА. РАССКАЗ «ПРОКЛЯТИЕ» КАК ОБРАЗЕЦ НОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ Л. СЕМЕНОВА

Статья посвящена анализу одного из немногочисленных прозаических произведений Л. Семенова «Проклятие». Особое внимание в статье уделено изменениям, произошедшим в стиле писателя в результате смены приоритетов в творчестве. Л. Семенов обращается к темам, которые требуют от него «социальности» и постепенно отдаляется от эстетических идеалов, связанных с символизмом. Писатель отдается «деловой» литературе: осуждает несправедливый суд, тюрьму, смертную казнь, пишет о жестокости власти и социальном неравенстве.

Ключевые слова: символизм, «деловая» литература, новая художественность.

T. V. GORYACHEVA. STORY «THE CURSE» AS AN EXAMPLE OF A NEW ARTISTRY OF L. SEMENOV

The main objective of the paper is to analyse one of the prose works by L. Semenov «The Curse» in order to throw light on the changes which took place in his style due to the shift in priorities in his creative work. L. Semenov turns to social issues and eventually breaks with aesthetic ideals of Symbolism. The writer focuses on such social problems as unfair court and imprisonment, capital punishment, cruelty of the authority, and social inequality.

Key words: Symbolism, «businesslike» literature (social literature), new artistry.

В конце декабря 1906 года Л. Семенов пишет рассказ «Проклятие», состоящий из трех частей: «Острог», «Этап», «Тюрьма». Произведение, без сомнения, является автобиографическим. Рассказ повествует о событиях года, отданного революционной борьбе, о Марии Добролюбовой, о страданиях, которые он пережил во время тюремного заключения. Знакомство с судьбами многих людей в этот период дало богатый материал для художественного и нравственного осмысления действительности. В рассказе очевидны изменения, произошедшие в творческом мире писателя.

Рассказ «Проклятие» можно считать первым прозаическим произведением Л. Семенова. В те годы помимо поэзии были созданы только драма «Около тайны» и ряд статей, написанных и опубликованных ранее. Все произведения, созданные им после «ухода», в большинстве своем автобиографичны. Данная особенность видится нам элементом новой художественности писателя. Л. Семенов отвергает выдумку в литературе, называет ее «ужасной ложью», считает, что писатель «силится обмануть» (курсив автора – Т. Г.) другого, заставив его поверить, что так и было» [9, с. 239]. Л. Семенов писал: «В рассказах есть выдумка – а это уж такая ложь, с которой никак нельзя примириться» [9, с. 239].

Главный мотив рассказа можно определить как «основной мотив символизма – он стремится к Ней, Ее не достигая» [1, с. 533]. Однако символистский мотив воплощается наряду с реалистическими образами и картинками тюремного быта, в которые он погружен. А. Блок выделил рассказ «Проклятие» в статье «О реалистах» из ряда другой современной ему прозы.

«Рассказ Семенова “Проклятие” <...>, – писал он, – потрясает и отличается во многом от сотни
© Т.В. Горячева, 2015

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33569>

подобных же описаний правительственных зверств, но отличается от них более в чисто описательной части. Что же сверх того – показывает только еще раз, что трудно “служить богу и маммоне”, хранить верность жизни и искусству» [3, с. 114]. Вероятно, поэт имел в виду, что предмет изображения потребовал от Л. Семенова «социальности», которая выражалась в ущерб эстетическому, связанному в его понимании с символизмом. Выход этого рассказа в свет ознаменовал рождение нового писателя. Л. Семенов, по справедливому замечанию А. Блока, отдаляется от искусства и отдается «деловой» литературе: осуждает несправедливый суд, тюрьму, смертную казнь, пишет о жестокости власти и социальном неравенстве. В. Сапогов верно заметил, что высказывание А. Блока помимо литературной оценки произведения Л. Семенова отражает и суть жизненной драмы художника – драмы «утерянной цельности мировоззрения» [8, с. 118].

Террористическая деятельность и осознание ее бесплодности, революционная агитация по деревням, тюремное заключение, побег и избиения, смерть Марии Добролюбовой, возможно, впервые открыли для Л. Семенова темную сторону жизни и вновь поставили перед ним вопрос, являвшийся, по воспоминаниям Ф. Зелинского, «томящей проблемой» Л. Семенова: «“Как надо жить?” – разумеется, для того, чтобы быть в душевном мире с самим собой, чтобы чувствовать спокойной свою совесть» [5, с. 58]. Спокойной его совесть стала лишь тогда, когда он смог поднять свой голос в защиту угнетаемых.

События жизни Л. Семенова, его искания постепенно возвращали его на путь, ведущий к Богу. Тюрьма стала для писателя местом, где он пришел к новому пониманию жизни и ценностей, согласно которым следует жить. Во время пребывания в тюрьме Л. Семенов переписывается с другими заключенными. Общение в тюрьме, темы разговоров и переписки нашли свое отражение в произведениях Л. Семенова. «И вставали передо мной по этим письмам разительные и страшные в своей правдивости картины всей темной растерянности их и беспомощности...», – пишет Л. Семенов о людях, которые жаждали от него ответов на жизненно важные для них вопросы [9, с. 270]. Л. Семенов чувствовал всю меру ответственности за каждое слово и понимал, что «громкие и красивые фразы по готовым книжкам», которые казались такими значительными во время революционной агитации, теряли свою значимость. «И чем дальше, тем все страшней было мне писать ответы на их вопросы, терялся уж сам, не зная, что писать, чувствовалось, как каждое мое слово падает глубоко в их души, и страшно поэтому становилось ответственности за них. Не смел уже писать легкомысленно, старался уже сам в каждом вопросе дать ответ себе и разобраться – что знаю и чего не знаю. И иногда казалось, что еще сам ничего и ни писал я им, стал ссылаться на Евангелие, ибо Оно одно давало покой духу и веру, что если буду держаться Его, или того, что понятно мне в Нем, то не нарушу тех строгих и жутких для меня требований к себе, которые стал чувствовать, когда ощутил живую связь свою с другими людьми – связь любви и веры друг в друга, какая заключалась здесь между нами» [9, с. 270]. В поисках ответов Л. Семенов делает шаг к постижению вечных Истин Христа, переоценивает свое восприятие Святого писания, приближаясь к видению Ф. Достоевского: «Что за книга эта Священное писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано вовеки веков» [4, с. 265].

Опыт тюремного заключения прокладывает путь к новому мышлению Л. Семенова. Временем своего «первого воскресенья» [9, с. 269] называет он свое пребывание в тюрьме, поскольку именно здесь Евангелие открыло перед ним всю глубину мудрости слова Бога. Позднее в одном из писем к В. Молочникову он писал, что тюрьма является лучшим местом для самопознания, испытания собственных сил и любви к Богу: «Всеми силами, дорогой брат, постарайся теперь, пока ты в тюрьме, потому что это исключительно благоприятная обстановка для этого, отвлечься от всякого видимого общения с людьми, которых любишь, с их земным тленным проявлением, даже от писем к ним, – и всей силой души сосредоточься на том чувстве любви, которое знаешь, чтобы найти ее, как суть свою, и так подняться до Сути всей сути, источников всего – Бога» [7, с. 84].

Рассказ «Проклятие» изобилует животрепещущими вопросами, которые задают главному герою окружающие или над которыми задумывается он сам. Они вплетены в сюжет и часто ответ на них отсутствует, что создает атмосферу тотальной бессмысленности происходящего и вызывает чувство горечи от невозможности

ничего изменить. Так, герой однажды пытается заговорить с надзирателем о тюрьмах, но их разговор – «диалог глухих», абсолютно не понимающих друг друга людей: «– Ведь что такое тюрьмы? Разве они нужны кому-нибудь, ведь сами видите – они один разврат... Для чего же ваша жизнь, ваша служба? – Да разврат и есть... – согласился быстро один самый старый и хитрый из них. – А то что же? Тут они что делают? Да вы знаете тут они чему научаются? Нет, Вы знаете чему? А! Вот вы сами скажите, чему?» [9, с. 121].

Важность вопросов для героя рассказа и, в первую очередь, для самого автора, живущего в период, когда основы бытия нарушены, проявляется в появлении в рассказе целых абзацев, состоящих из риторических вопросов: «Я иду с этапом. Люди с сожалением, не то со страхом взирают на нас. Но все путается во мне. Почему все? Почему я политический? Почему арестант? Почему не конокрад, идущий теперь со мной рядом? Какая разница в этом? Какая разница в том, что он переодевался жандармом и обокрал помещика, а я ездил по селам и учил крестьян своей правде? Кто произвел эту разницу? Кто она, эта глухая, темная сила жизни?» [9, с. 136].

Противопоставляя мир острога и мир семьи начальника тюрьмы, художник достигает цели показать ненормальность ситуации, ее противоречие человечности: «Меня зовут на прогулку. На дворе весело. Солнце блещет. Вокруг домика начальника цветы. <...> Там целая семья. <...> Они заняты своей будничной, хлопотливой жизнью ячейки человечества и им нет дела до этого глядящего на них своими черными язвами, решетчатыми окнами, за которыми томятся другие люди, несчастьем которых они живут. И когда я хожу по этому небольшому пространству между домиком начальника и белой стеной своей тюрьмы, мне жутко, точно я хожу по самой страшной грани человечества, балансируя над его вечными двумя отвесами...» [9, с. 123]. Стоя на этой невидимой границе, герой рассказа наблюдает жизнь двух миров. В мире свободы и семьи, пускай столь тесно сосуществующем с тюремным миром, в палисаднике играют дети, в то время как во дворе острога веселятся, наблюдая за мучениями подожженной мыши.

В журнале «Трудовой путь» рассказ «Проклятие» был напечатан вслед за стихотворением под таким же заглавием. В лирической форме поэт описывает тяжелый опыт тюремного заключения и жестокие побои, которым он подвергся в тюрьме. В стихотворении нашла свое выражение новая поэтическая манера Л. Семенова: «Они цветы мои сорвали, – / Я нес им песни и цветы, – / <...> / Сорвали белые одежды, / И тело нежное мое / За песнь, за счастье, за надежды, / За волю к жизни в ранах все. <...> / И стал я призраком проклятым / Им в их приютах и домах, / Хожу по улицам, по хатам / И вызываю всюду страх...» [9, с. 66].

По мнению В. Баевского, в стихотворении получает развитие тема поэта-пророка, уходящая своими корнями в творчество А. Пушкина и М. Лермонтова. Л. Семенов «предельно заостряет тему страданий, на которые обречен пророк-поэт-человек, и поднимает тему расплаты его гонителей за злобные гонения» [2, с. 483]. Нельзя не согласиться с приведенной интерпретацией произведения. Очевидно, что Л. Семенов вступает в диалог со своими предшественниками. В пушкинском «Пророке» звучит божественный призыв поэта к великому служению: ««Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей”». Герой «Пророка» М. Лермонтова, как известно, идет к людям, верный своему предназначению нести истину, но люди слепы и поэт подвергается гонениям: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено камня» [6, с. 9]. Поэт-пророк Л. Семенова продолжает исполнять данное свыше предназначение, но жестокость людей уже не имеет границ. Израненный, он волею Бога получает возможность отмищения и становится «призраком проклятым», «вызывающим всюду страх» [9, с. 66].

Л. Семенов не раз обращается к теме насилия в тюрьмах. Он много пишет о побоях, которые он перенес во время заключения и которые он переживает вновь и вновь, рассказывая о страданиях своего героя. Описание избиения переходит из произведения в произведение. Возникнув в стихотворении «Проклятие», оно переходит в одноименный рассказ, позднее проникает в произведение «Городовые» и в итоге появляется в сочинении «Грешный грешным», написанном Л. Семеновым от своего лица. «Да и меня били. <...> Били руками, ногами, перекидывали друг к другу и выворачивали злобно мне руки», – вспоминает герой рассказа «Проклятие» [9, с. 148]. В каждом слове чувствуется боль настоящая – душевная и физическая, боль человека, пережившего этот ужас в своей собственной судьбе: «Меня били, били в застенке. <...> Били слабого, беззащитного городовые. Я почти не стоял на ногах и от

первого же удара по щеке упал на землю. Меня били по лицу со всего размаха, топтали ногами, когда падал» [9, с. 172]. «Ударили по лицу. Я упал. Потом плюют. Толкают сапогами. Раздели донага. Бросили в грязный, вонючий, заблеванный блевотиной пьяных чулан», – отрывисто, словно выхватывая кадр за кадром из своих воспоминаний, описывает побои Л. Семенов в произведении «Грешный грешным» [9, с. 279].

В каждом случае жуткая картина пережитых поэтом страданий сопровождается мыслями повествователя о разбитых мечтах, о тщетности и бессмысленности его борьбы: «Тысяча мыслей и мучительнейших вопросов тянулись в голове и выворачивали всю жизнь наизнанку...» [9, с. 173]. Образ «цветов», сорванных и растоптанных, символизирующий глубокое разочарование Л. Семенова в людях и осознание им утопичности своей мечты, перебрасывает нить от произведения к произведению: «“Они цветы мои сорвали / И растоптали все мечты...” Так пел я после об этом. Это верно, если только понять. Да, растоптали те ложные, красивые мечты о себе, которыми мы опьянялись и скрывали от себя истину, ибо боялись взглянуть ей прямо в глаза» [9, с. 279], «...закрыв лицо руками <...> я рыдал, рыдал о своей юности, о растоптанных цветах ее, о грубых ногах, которые их топтали, о всем человечестве...» [9, с. 173]. Личные страдания он осмысливает в связи с надеждами юности изменить мир, объединить человечество в Боге.

Наблюдения, приведенные в статье, убедительно иллюстрируют изменения, произошедшие в творческом мире Л. Семенова. Наиболее значительными чертами новой художественности писателя, по нашему мнению, является «социальность», которая выражалась в произведении в ущерб эстетическому элементу, связанному с символизмом, и отразила новое понимание жизни и ценностей; а также автобиографичность произведений Л. Семенова и исключение выдумки из литературных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский В. С. Примечания / В. С. Баевский // Семенов Л. Д. Сихотворения. Проза. – Москва: Наука, 2007. – С. 503 – 553. – (Литературные памятники).
2. Баевский В. С. Жизнестроитель и поэт / В. С. Баевский // Семенов Л. Д. Сихотворения. Проза. – Москва: Наука, 2007. – С. 439 – 502. – (Литературные памятники).
3. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / [под ред. В. Н. Орлова, А. А. Сурикова, К. И. Чуковского] / А. А. Блок. – М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960 – 1963.
Т. 5. – 1962. – 79 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / [ред. коллегия: Базанов В. Г., Виноградов В. В., Прийма Ф. Я. и др.] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972 – 1990.
Т. 14. – 1976. – 511 с.
5. Зелинский Ф. Ф. Памяти Л. Д. Семенова / Ф. Ф. Зелинский / [публикация В. С. Баевского] // Известия АН. Серия литературы и языка. Материалы и сообщения. – 1998. – № 1. – С. 49 - 59.
6. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / [вступ. ст. и примеч. И. Л. Андронникова] / М. Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1975 – 1976.
Т. 1. Стихотворения. 1828 - 1841. - 1975. - 648 с.
7. Молочников В. А. Свет и тени. Воспоминания о моем приближении к Толстому // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. - М., 1927. – Сб. 3. – С. 55 - 128.
8. Сапогов В. А. Лев Толстой и Леонид Семенов / В. А. Сапогов // Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та и Костромского гос. пед. ин-та. – 1970. – Вып. 20. – С. 111 - 128.
9. Семенов Л. Д. Сихотворения. Проза / [подготовка издания, примечания В. С. Баевского] / Л. Д. Семенов. – Москва: Наука, 2007. – 578 с. – (Литературные памятники).

(Статья поступила в редакцию 26 сентября 2015 г.)